

HAL
open science

**Эстии и Океан: о распространении некоторых типов
фибул эпохи переселения народов и меровингского
времени**

Michel M Kazanski

► **To cite this version:**

Michel M Kazanski. Эстии и Океан: о распространении некоторых типов фибул эпохи переселения народов и меровингского времени. *Archologitcheskie Vesti / Археологические вести / Archaeological news*, 2017, 23, pp.265-273. ⟨hal-03939809⟩

HAL Id: hal-03939809

<https://hal.science/hal-03939809v1>

Submitted on 15 Jan 2023

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Public Domain

Археологические вести

— 23 —

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

член-корреспондент РАН Е. Н. Носов (главный редактор), академик РАН В. Л. Янин, академик РАН Н. А. Макаров, Н. В. Хвоцинская (зам. главного редактора), О. И. Богуславский, М. Ю. Вахтина, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, В. А. Лапшин, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Рецензенты:

доктор исторических наук С. А. Васильев

доктор исторических наук Е. А. Рыбина

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. – 1992. –

Вып. 23 / [Гл. ред. Е. Н. Носов]. – СПб., 2017. – 448 с., ил.

ISBN 978-5-9909871-8-0

ISSN 1817-6976

В очередной выпуск ежегодника ИИМК РАН включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. Впервые вводятся в научный оборот материалы, полученные в результате исследований поселений и погребальных памятников от эпохи камня до средневековья на территории Евразии. В ряде статей рассматриваются конкретные археологические комплексы и отдельные категории материала, проблемы хронологии и домостроительства. В специальный раздел сборника включены работы по актуальным проблемам археологии: рассматривается курган Кемь-Оба в контексте культур раннего бронзового века и интерпретация колесничной символики эпохи бронзы по материалам Зауралья; обсуждается вопрос о статусе острова Биорко (Швеция). В сборнике представлены рецензии на новейшую историко-археологическую литературу, информация о международном сотрудничестве и зарубежных конференциях. Отдельный раздел посвящен истории науки. Среди авторов ежегодника – ученые из России, Украины, Молдовы, Франции, Финляндии и Филиппин.

The current issue of the annual of the Institute for the History of Material Culture (IIMK) RAS comprises articles devoted to the most recent investigations in archaeology, history and culture. This publication first introduces to scientific studies the results of archaeological investigations of settlements and burial sites dating from the Stone Age period to the Middle Ages in the territory of Eurasia. A number of the articles discuss particular archaeological complexes and categories of finds, questions of chronology and house building. A special section of this volume includes articles on the actual problems of archaeology. The barrow of Kemi-Oba is considered within the context of cultures of the Early Bronze Age, the chariot symbolic of the Bronze Age is interpreted on the basis of materials from the Trans-Urals; also the question of the status of the Bjorko Island (Sweden) is discussed. The collection of articles presents in addition reviews of the newest historico-archaeological publications, information on the international cooperation and foreign conferences. A separate section is devoted to the history of science. Among the authors of this yearbook there are scholars from Russia, Ukraine, France, Finland and Philippines.

Обложка:

Первая страница – фрагмент восточно-греческого сосуда из раскопок Немировского городища. © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург (к статье М. Т. Кашубы, М. Ю. Вахтиной)

Fragment of the East-Greek pottery from Nermirov hill-fort. © State Hermitage Museum, Saint Petersburg (paper by M. T. Kashuba and M. Ju. Vakhtina)

Четвертая страница – 1–5 – эталонные снимки фрагментов шерсти (1 – овца; 2, 3 – верблюд; 4 – кролик; 5 – коза); фрагменты шерстяных и хлопковых нитей: 6 – курган № 186 (Залахтовье, Псковская обл.); 7 – Ковшурица, Польша; 8 – Старая Русса, Пятницкий раскоп-I, пл. 19, кв. 1, № 189(1) (к статье В. Е. Куликова, Е. Ю. Медниковой, С. С. Миняева)

1–5 – sample photos of fragments of wool (1 – sheep; 2, 3 – camel; 4 – rabbit; 5 – goat); fragments of woollen and cotton threads: 6 – kurgan no. 186 (Zalakhovye, Pskov Oblast); 7 – Kowszurica, Poland; 8 – Staraya Russa, Pyatnitskiy excavation-I, area 19, sq. 1, № 189(1) (paper by V. E. Kulikov, E. Yu. Mednikova and S. S. Minyaev)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2017
ISSN 1817-6976

© Коллектив авторов, 2017

© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2017

ISBN 978-5-9909871-8-0

ISSN 1817-6976

К юбилею Валентины Михайловны Горюновой

ЭСТИИ И ОКЕАН: О РАСПРОСТРАНЕНИИ НЕКОТОРЫХ ТИПОВ ФИБУЛ ЭПОХИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ И МЕРОВИНГСКОГО ВРЕМЕНИ¹

М. М. Казанский²

Аннотация. В статье рассматриваются фибулы V–VI вв., распространявшиеся в бассейнах Северного и Балтийского морей и представленные на памятниках самбийско-натангийской культуры, на территории современной Калининградской области, соотносимой с приморскими эстиями. Поэтому распространение предметов женского убора самбийско-натангийской культуры за пределами их основного ареала отражает прежде всего брачные связи, которые были призваны закреплять военно-политические связи между различными варварскими народами. Представленные здесь материалы отражают материальную культуру «среднего класса», видимо также участвовавшего в закреплении межрегиональных и межкультурных контактов путем «смешанных» браков.

Annotation. This paper considers brooches of the 5th–6th century AD distributed throughout the basins of the North and Baltic seas and found at sites of the Sambian-Natangian culture connected with the maritime Aestii in the territory of what is now Kaliningrad Oblast in Russia. Accordingly, the distribution of elements of women's attire of the Sambian-Natangian culture beyond the limits of their main area reflects primarily the marriage ties which were intended for strengthening of the military and political links between different barbarian peoples. The artefacts here published represent the material culture of the 'middle class' which, as it seems, also was taking part in the fixation of interregional and intercultural contacts through 'mixed marriages'.

Ключевые слова: эстии, самбийско-натангийская культура, меровингское время, Балтийское море, Северное море, фибулы, контакты.

Keywords: Aestii, Sambian-Natangian culture, Merovingian Age, Baltic Sea, North Sea, brooches, contacts.

Известия об эстиях, проживавших в Юго-Восточной Прибалтике, у «Свевского моря», попадают к римлянам уже в I в. н. э. Эстии известны Иордану в первой половине VI в. «на побережье Океана» к востоку от устья Вислы (*Иордан, Getica, 36*).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект «Методы элементного и изотопного анализов в изучении историко-культурных связей и образа жизни населения Юго-Восточной Прибалтики (римское время – начало средневековья)», № 16-06-00058-А).

Research is supported by the Russian Foundation for Basic Research, project «Elemental and isotopic analyses in the study of the historical and cultural relations and life style of the South-Eastern Baltic population (Roman period – the beginning of the Middle Ages)», grant no. 16-06-00058-A.

² Centre National de la Recherche Scientifique, UMR 8167 «Orient et Méditerranée», 52, rue du cardinal Lemoine, 75005-Paris, France. E-mail: michel.kazanski@college-de-france.fr.

Сохранилось также послание Теодориха Великого, написанное Кассиодором в ответ на посольство эстиев, живущих «у берегов Океана», в остроготскую Италию (*Cassiodorus, Variarum Epistolarum Liber II, 2*, русский перевод: *Хенниг, 1961. С. 60, 61*). С эстиями Иордана и Кассиодора хорошо соотносятся памятники самбийско-натангийской культуры (культура Доллькайм–Коврово по терминологии польских исследователей), точнее ее фаза E по хронологии балтийского Барбарикума (450–610/630-е гг.) (см. подробнее: *Kowalski, 1991; Bitner-Wróblewska, 2001. P. 14–19, 117–120; Hilberg, 2009. S. 83–86; Скворцов, 2010. С. 180–183*). Первые ясные указания на существование морского пути к эстиям появляются лишь в конце IX в., в рассказе о плавании Вульфстана в Вислинский залив, попавшем

в англосаксонский перевод «Истории против язычников» Павла Орозия³.

Мне уже приходилось обращаться к вопросу морских контактов эстиев с Западом в V–VI вв. (*Kazanski, Mastykova, 2005; Казанский, Мاستыкова, 2013; Казанский, 2010; 2013*). Здесь хотелось бы подвести предварительный итог изучения такого важного маркера, как фибулы. Фибулы меровингского происхождения уже давно выявлены в Восточной Пруссии (см. подробнее: *Hilberg, 2009. S. 205–290*, там же библиография). Более всего они характерны для памятников западно-балтской ольштынской группы, занимавшей район Мазурских озер, на некотором удалении от балтийского побережья. Наибольшее количество их западных параллелей находится во внутренней континентальной части меровингского мира, в Германии (Там же. *S. Abb. 7, 51*). Все это позволяет предполагать, что «меровингские» фибулы попадали в Пруссию через Центральную Европу и распространялись при посредстве балтов ольштынской группы. Однако отдельные находки застёжек могут свидетельствовать и о существовании морских контактов по Северному морю и Балтике.

1. Арбалетные фибулы с коротким приемником и рифленой ножкой типа Шёварлинг (*Schönwarling–Skowarcz*) (рис. 1, 1, 2). Они датируются от позднего IV до начала VI в. (*Schulze-Dörrlamm, 1986. S. 650–652; Bitner-Wróblewska, 2001. P. 34–40*). Отмечается их концентрация в Юго-Восточной Прибалтике, а также на островах Балтийского моря – Эланд, Готланд и Борнхольм (рис. 1, 3). Отдельные находки фибул типа Шёварлинг известны в Северо-Восточной Эстонии,

³ «...Вульфстан сказал, что он вышел из Хэтума [Хедебю], что он был в Трусо через семь дней и ночей, что корабль весь путь шел под парусами. Справа по борту был Веонодланд, а слева – Лангланд и Лэланд, и Фольстер, и Сконег; и все эти земли принадлежат Денемарку. И далее слева от нас был Бургенеланд, и у них свой собственный король. Далее, за землей бургендов, слева от нас были те земли, которые называются сначала Блэкингаэг и Меоре, и Эоланд, и Готланд и эти земли принадлежат Свеону. И Веонодланд был справа от нас на всем пути до устья Висле. Висле – очень большая река и она разделяет Витланд и Веонодланд; а Витланд принадлежит эстам, а Висле вытекает из Веонодланда и впадает в Эстмере; а ширина Эстмере не менее пятнадцати миль. Далее на востоке в Эстмере впадает Илфинг из озера, на берегу которого стоит Трусо; и они вытекают вместе в Эстмере, Илфинг с востока от Эстланда, а Висле с юга от Веонодланда...» (цит. по: *Матузова, 1979. С. 26, 27*).

на могильнике Кохтла-Ярве I (*Kohtla-Jarve*) (*Bitner-Wróblewska, 2001. Appendix B. № 356*) и на Рейне, на поселении Эшвайлер (*Eschweiler*), с материалом IV в. (*Schulze-Dörrlamm, 1986. Abb. 72, 1*). Несомненно, на Рейн эти фибулы распространялись морем, поскольку их нет на территории континентальной Европы (см. *Schulze-Dörrlamm, 1986. Abb. 74*).

2. Рифленые арбалетные фибулы, предшественники типов Эстажель (Estagel) и Дуратон (Duráton) (рис. 2, 1–8) (*Schulze-Dörrlamm, 1986. S. 643–650*). Застежки этих типов с рифлением по всему корпусу и коротким приемником уже рассматривались мною ранее (*Казанский, 2013. С. 203, 204*). Эти типы бронзовых фибул распространяются в V–VI вв. в Нормандии, Южной Франции и Испании (рис. 3, А). Видимо, к их числу принадлежат также фибулы с рифленным корпусом из Зеефельд (*Seefeld*)–Просторное и Доллькайм (*Dollkeim*)–Коврово, в том числе из погребения 163 (*Кулаков, 2004. С. 24, 25, рис. 62, 2*) (рис. 2, 9–11), с так называемым самландским поясом, характерным для периода D западнобалтской шкалы (приблизительно 375–450 гг.). Они считаются разновидностью застёжек типа Шёварлинг (*Bitner-Wróblewska, 2001. P. 34–41*), но у последних рифление имеется только на ножке (см. выше)⁴.

Прототипом арбалетных фибул с рифленным корпусом являются застёжки позднеримского времени (рис. 2, 12–15), меньших размеров, но с таким же декором («*Raupenfibel*») с относительно коротким приемником и с короткой ножкой, довольно широко распространенные на территории бывшей Восточной Пруссии, на Нижней Висле, а также на островах Балтийского моря. Видимо, появление рифленых фибул на Западе объясняется какими-то контактами с Южной Прибалтикой и бассейном Нижней Вислы (*Казанский, 2013. С. 204*).

3. Арбалетные фибулы типа Руйе (Rouillé) с длинной пластинчатой ножкой, расширенной к окончанию (рис. 4, 1–8). Тип выделен М. Щульце-Доррламмом (*Schulze-Dörrlamm, 1986. S. 652–655*), к нему отнесены находки из Руйе в Южной Галлии (рис. 4, 1), португальские фибулы из Конимбриги

⁴ Кроме того, в Юго-Восточной Прибалтике имеются рифленые фибулы типа Доллькайм–Коврово, с приемником, равным по длине ножке (*Bitner-Wróblewska, 2001. P. 41–52*). Здесь они не рассматриваются, поскольку на Запад они не попадают.

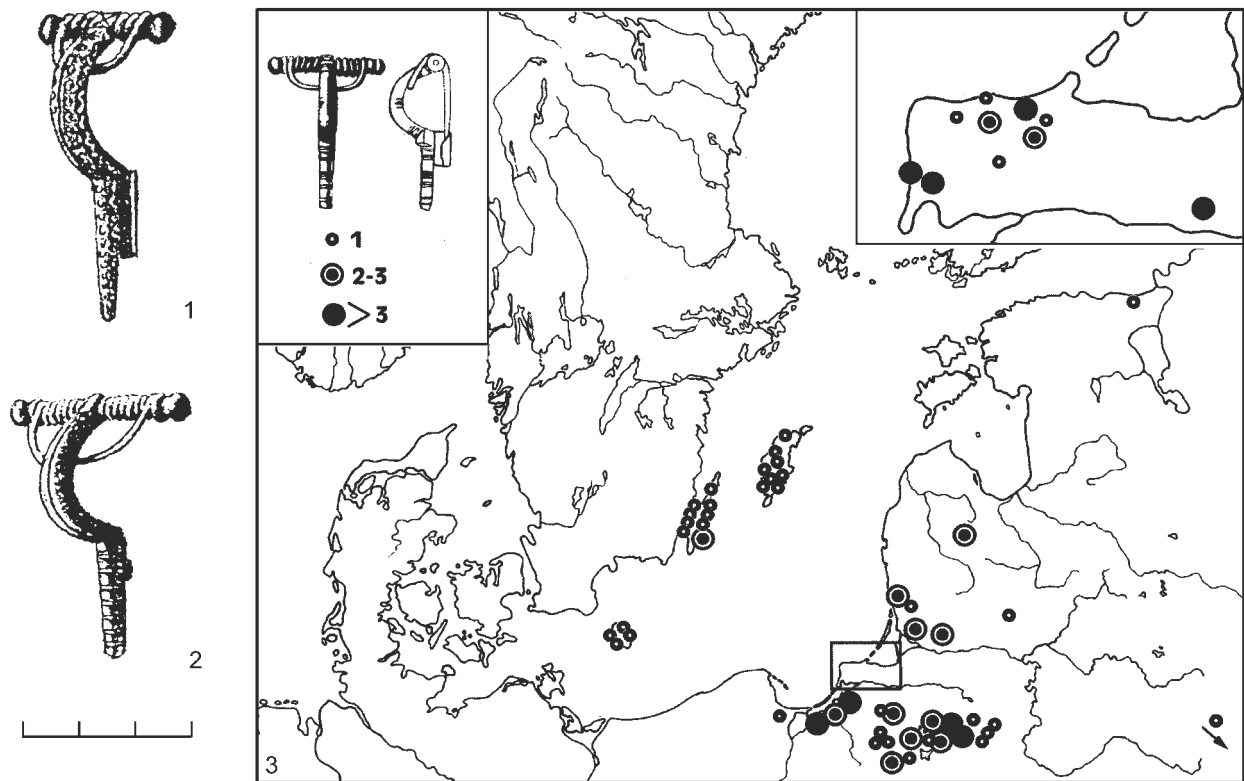

Рис. 1. Фибулы типа Шёварлинг: 1, 2 – на Самбийском полуострове (1 – Варникам/Первомайское, погребение № 65; 2 – Доллькайм–Коврово, погребение № 183); 3 – их распространение в Балтийском регионе (*Bitner-Wróblewska*, 2001. Fig. 3, Pl. IV, 1, V, 2)

Fig. 1. Brooches of the Schönwarling type: 1, 2 – on the Sambian Peninsula (1 – Warnikam/Pervomayskoye, burial no. 65; 2 – Dollkeim–Kovrovo, burial no. 183); 3 – their spread throughout the Baltic region

(рис. 4, 3, 4) и фибула с городища Асоте в Латвии (рис. 4, 2). Мне уже приходилось обращаться к этому типу фибул (*Казанский*, 2013. С. 202, 203). При этом выяснилось, что родственными типу Руйе являются застёжки с несколько более длинной дужкой и вытянутой трапецевидной ножкой из кастильского могильника Дурадон, погребения 10 и 294 (рис. 4, 5, 6), а также фибулы из погребения 169 могильника Доллькайм/Коврово на Самбийском полуострове (рис. 4, 7) и, наконец, из погребения 60 натангийского могильника Варникам (Warnikam)–Первомайское, с «самландским» поясом (см. выше) (*Кулаков*, 1997. Рис. 12, *Wa-60, 1*) (рис. 4, 8)⁵. По находкам в некрополе Дурадон дата западных фибул типа Руйе и родственных им может

⁵ Похожие застёжки известны в Средней Швеции и в Эстонии. Пожалуй, самой крайней точкой на севере будет арбалетная фибула из юго-западной Финляндии, видимо представляющая местную переработку импортного прототипа (*Uskela – Watterfabrik*). Правда, эти северные застёжки имеют несколько иные пропорции – ножка у них короче, а дужка длиннее – и скорее всего представляют параллельную линию развития фибул (*Казанский*, 2013. С. 202, 203).

быть определена в рамках позднего V – раннего VI в., приблизительно 470–530 гг. Их балтийские параллели, если судить по находке в некрополе Варникам–Первомайское, с «самландским» поясом, должны датироваться несколько более ранним временем: концом IV – первой половиной V в. (см. подробнее: *Казанский*, *Мастыкова*, 2013. С. 101–103; *Казанский*, 2013. С. 203, там же библиография). Широкую географию распространения фибул, подобных Руйе, можно объяснить существованием их общего прототипа. Видимо, это близкие по форме арбалетные фибулы с более короткой трапецевидной ножкой, поздне римского времени и начала переселения народов (рис. 4, 9–14) и распространенные в Северной Германии и у западных балтов (*Schultze*, 1977. S. 83–85; *Nowakowski*, 1996. S. 160, Karte 8) (см. подробнее: *Казанский*, 2013. С. 203, там же библиография).

4. Фибулы типа Монсхейм–Либенау–Вест–Стуй (Monsheim–Liebenau–West Stow) и их дериваты (*Kühn*, 1974. S. 878–888; *Böhme*, 1986.

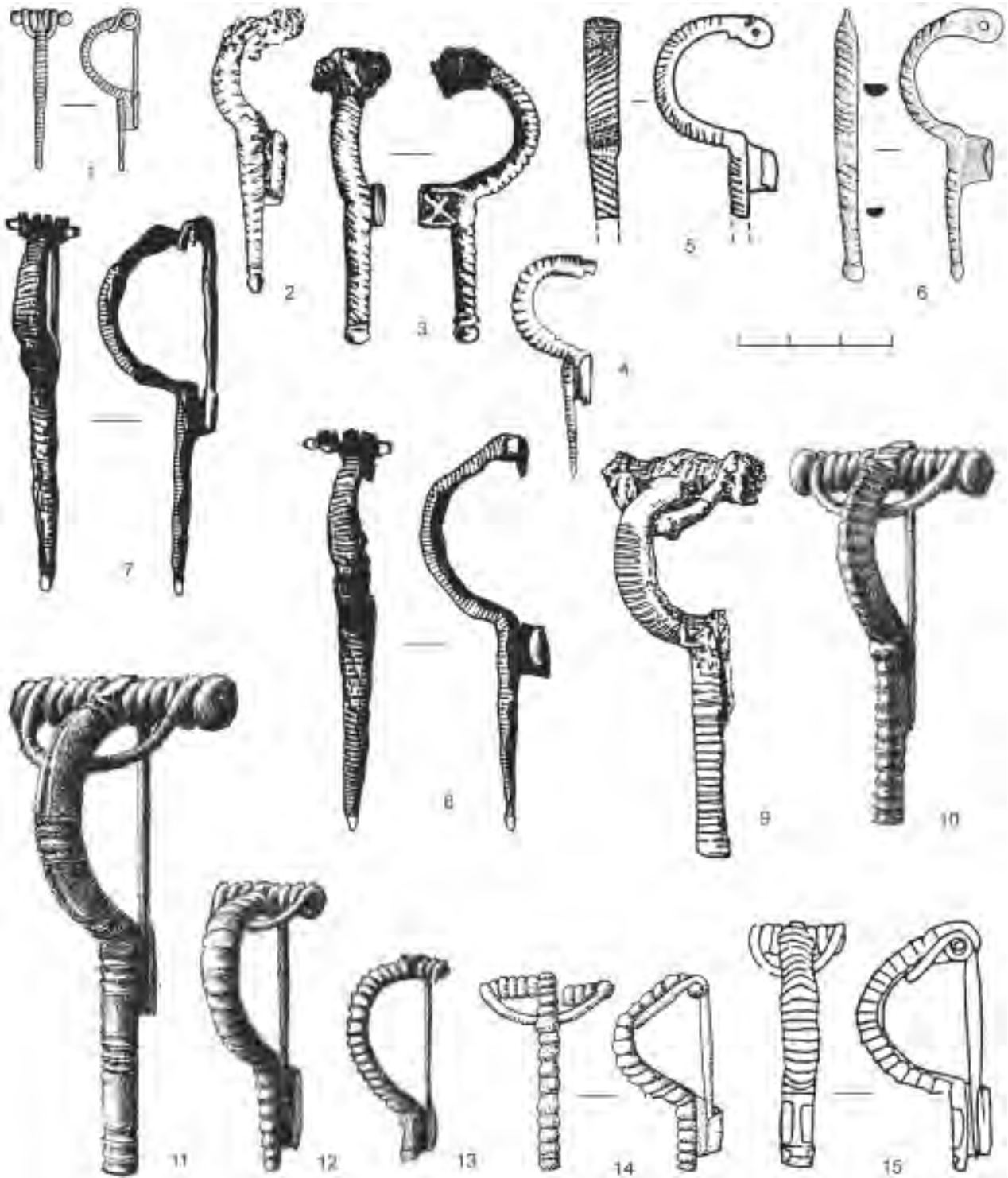

Рис. 2. Рифленые фибулы типов Дуратон и Эстажел, их восточные параллели и прототипы (Казанский, 2013. Илл. 5): 1 – Виндрак; 2 – Зарза-де-Грандилья; 3 – Мондевилль; 4 – Сен-Пьер-де-Воврэ; 5 – Алкала-де-Энарес; 6 – Монмира; 7, 8 – Френувиль; 9 – Зеэфельд/Просторное; 10 – Доллькайм–Коврово, погребение № 165; 11 – Доллькайм–Коврово, погребение № 163; 12 – Зеераппен/Люблино, погребение № 25; 13 – Доллькайм–Коврово; 14 – Прущ-Гданьский, погребение № 7; 15 – Прущ-Гданьский, погребение № 328

Fig. 2. Corrugated brooches of the Durátón and Estagel types, their eastern parallels and prototypes: 1 – Vindrac; 2 – Zarza de Grandilla; 3 – Mondeville; 4 – Saint-Pierre de Vauvray; 5 – Alcalá de Henares; 6 – Montmirat; 7, 8 – Frénouville; 9 – Seefeld/Prostornoye; 10 – Dollkeim–Kovrovo, burial no. 165; 11 – Dollkeim–Kovrovo, burial no. 163; 12 – Seerappen/Lyublino, burial no. 25; 13 – Dollkeim–Kovrovo; 14 – Pruszcz Gdański, burial no. 7; 15 – Pruszcz Gdański, burial no. 328

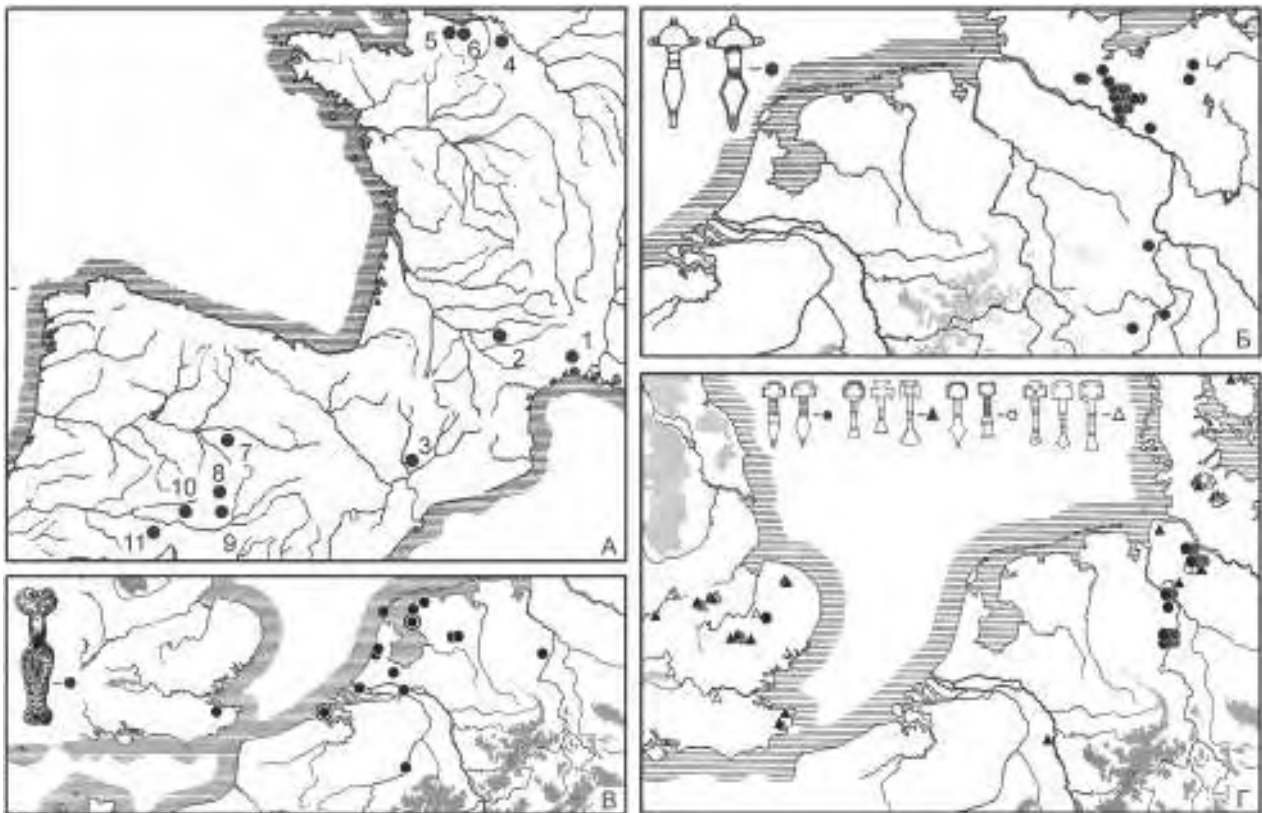

Рис. 3. А – находки рифленых фибул типов Дурадон и Эстажель (Казанский, 2013. Ил. 6): 1 – Монмира; 2 – Виндрак; 3 – Торренте-де-Кинка; 4 – Сен-Пьер-де-Воврэ; 5 – Френувиль; 6 – Мондевилль; 7 – Дурадон; 8 – Алкала-де-Энарес; 9 – Лос-Сантос-де-ла-Умоза; 10 – Зарза-де-Грандиля; 11 – Кацерес-эль-Виехо;

Б–Г – распространение некоторых типов двухпластинчатых фибул, представленных в Юго-Восточной Прибалтике: Б – тип Брейтенфурт–Притцер–Пердхёл (Böhme, 1986. Abb. 73); В – тип Домбург (Koch, 1998. Karte 29); Г – тип Монсхейм–Либенау–Вест–Стоу (Böhme, 1986. Abb. 72)

Fig. 3. А – finds of corrugated brooches of the Duráton and Estagel types: 1 – Montmirat; 2 – Vindrac; 3 – Torrente de Cinca; 4 – Saint-Pierre de Vauvray; 5 – Frénouville; 6 – Mondeville; 7 – Duráton; 8 – Alcalá de Henares; 9 – Los Santos de la Humosa; 10 – Zarza de Grandilla; 11 – Cáceres el Viejo;

Б–Г – distribution of some types of two-plate brooches found in South-Eastern Baltic region: Б – type Breitenfurt–Pritzler–Perdhöl; В – type Domburg; Г – type Monsheim–Liebenau–West Stow

S. 554–556) с ромбической ножкой и прямоугольной головкой (рис. 5, 1). Они датируются 450/470 – 500/520 гг. и являются типичными для континентальных саксов нижнего течения Эльбы и Везера (рис. 3, Г). Эти фибулы и их имитации хорошо известны в Самбии, Натангии и далее на восток, на Куршском побережье. В качестве примера назовем фибулы из Доллькайм–Коврово (Кулаков, 2004. Рис. 80, № 15093; Hilberg, 2009. Taf. 13, 99; 14, 100–106) (рис. 5, 1). Можно предположить, что фибулы типа Монсхейм и их подражания распространялись вдоль морского побережья, а район Шлезвига служил связующим звеном между североморским и балтийским отрезками этого пути

(Kazanski, Mastykova, 2005. P. 120; Казанский, Мастыкова, 2013. С. 106)⁶.

5. Фибулы типа Брейтенфурт (Breitenfurt) и их дериваты (Kühn, 1974. S. 869–877; Böhme, 1986. S. 558) (рис. 5, 2–6). Эти трехпалые фибулы с полукруглой головкой и ромбической ножкой имеют саксонское происхождение (Böhme, 1986. S. 558) и датируются 450/470 – 500/520 гг. Их восточная форма Притцер–Пердхёл (Pritzler–Perdhöl) лучше всего представлена к востоку от Эльбы, в Гольштинии (рис. 3, Б). Они (или их имитации)

⁶ Ф. Хильберг высказал сомнения относительно существования такого пути, однако не привел никаких аргументов (Hilberg, 2009. S. 207).

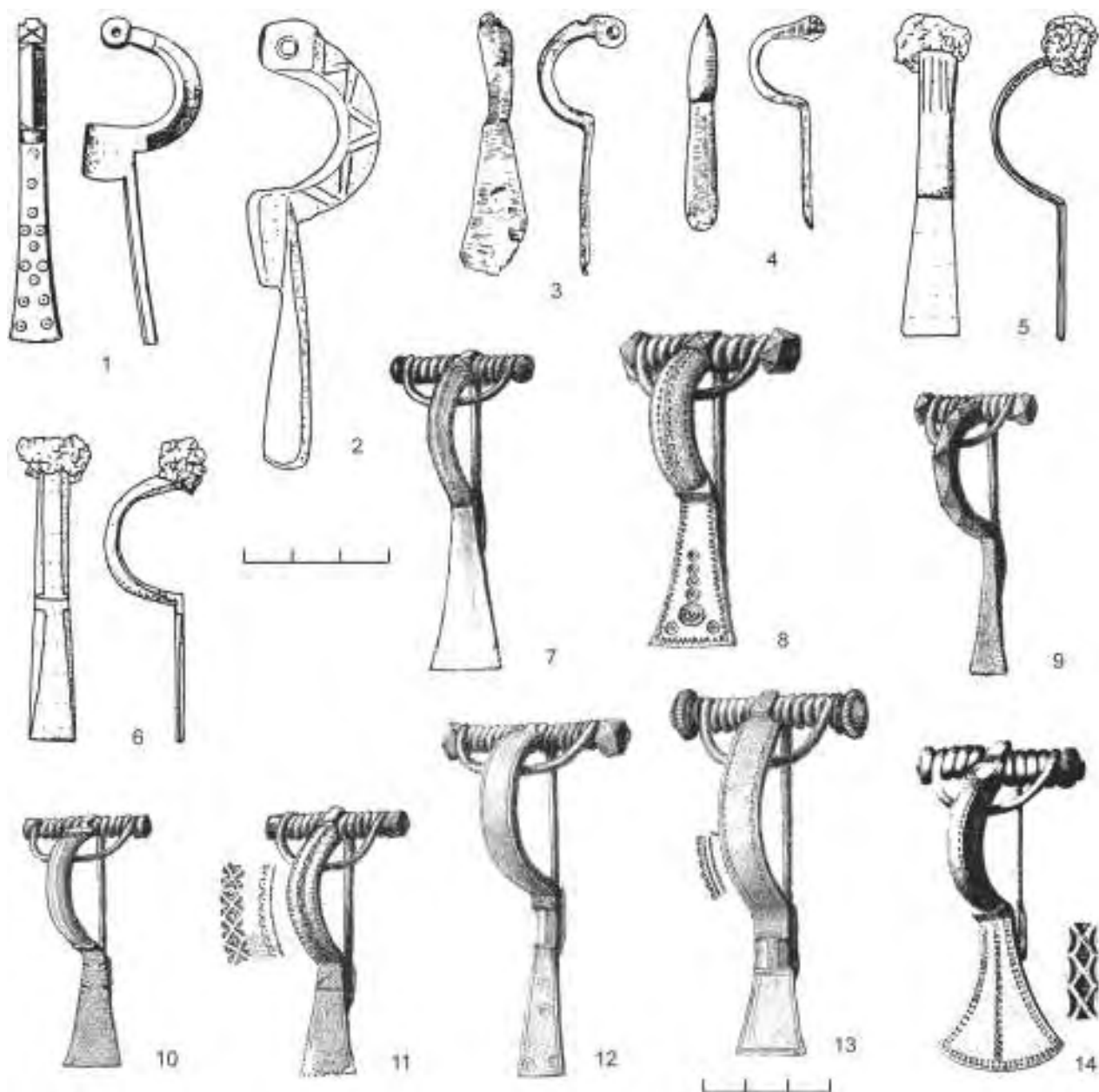

Рис. 4. Фибулы типа Рулле, их восточные параллели и прототипы (Казанский, 2013. Илл. 4): 1 – Рулле; 2 – Асоте; 3, 4 – Конимбрига; 5 – Дуратон, погребение № 294; 6 – Дуратон, погребение № 10; 7 – Доллькайм–Коврово, погребение № 169; 8 – Варникам/Первомайское, погребение № 60; 9 – Грейбау/Люблино–Краснолесье, погребение № 213; 10 – Рантау/Пионерский–Заречье; 11 – Варникам/Первомайское, погребение № 44; 12 – Полвиттен/Ровное, погребение № 28; 13 – Лиекайм/Наликаймы; 14 – Штейнбах

Fig. 4. Brooches of the Roullé type, their eastern parallels and prototypes: 1 – Roullé; 2 – Asote; 3, 4 – Conimbriga; 5 – Duráton, burial no. 294; 6 – Duráton, burial no. 10; 7 – Dollkeim–Kovrovo, burial no. 169; 8 – Warnikam/Pervomayskoye, burial no. 60; 9 – Greibau/Lyublino–Krasnoles’ye, burial no. 213; 10 – Rantau/Pionersky–Zarech’ye; 11 – Warnikam/Pervomayskoye, burial no. 44; 12 – Polvitten/Rovnoye, burial no. 28; 13 – Liekeim/Nalikaljmy; 14 – Steinbach

также хорошо известны на памятниках Восточной Пруссии (Hilberg, 2009. S. 205–207, Fudnliste 8), например, на могильниках самбийско-натангийской культуры Доллькайм–Коврово или Шлакалькен (Schlakalken) (Hilberg, 2009. Taf. 13, 95, 96, 97, 108,

109; 34, 300) и на Куршском побережье. Видимо, как и в случае с фибулами Монсхейм (см. выше), распространение моды на эти застёжки шло морским путем (Kazanski, Mastykova, 2005. P. 120; Казанский, Мастыкова, 2013. С. 106).

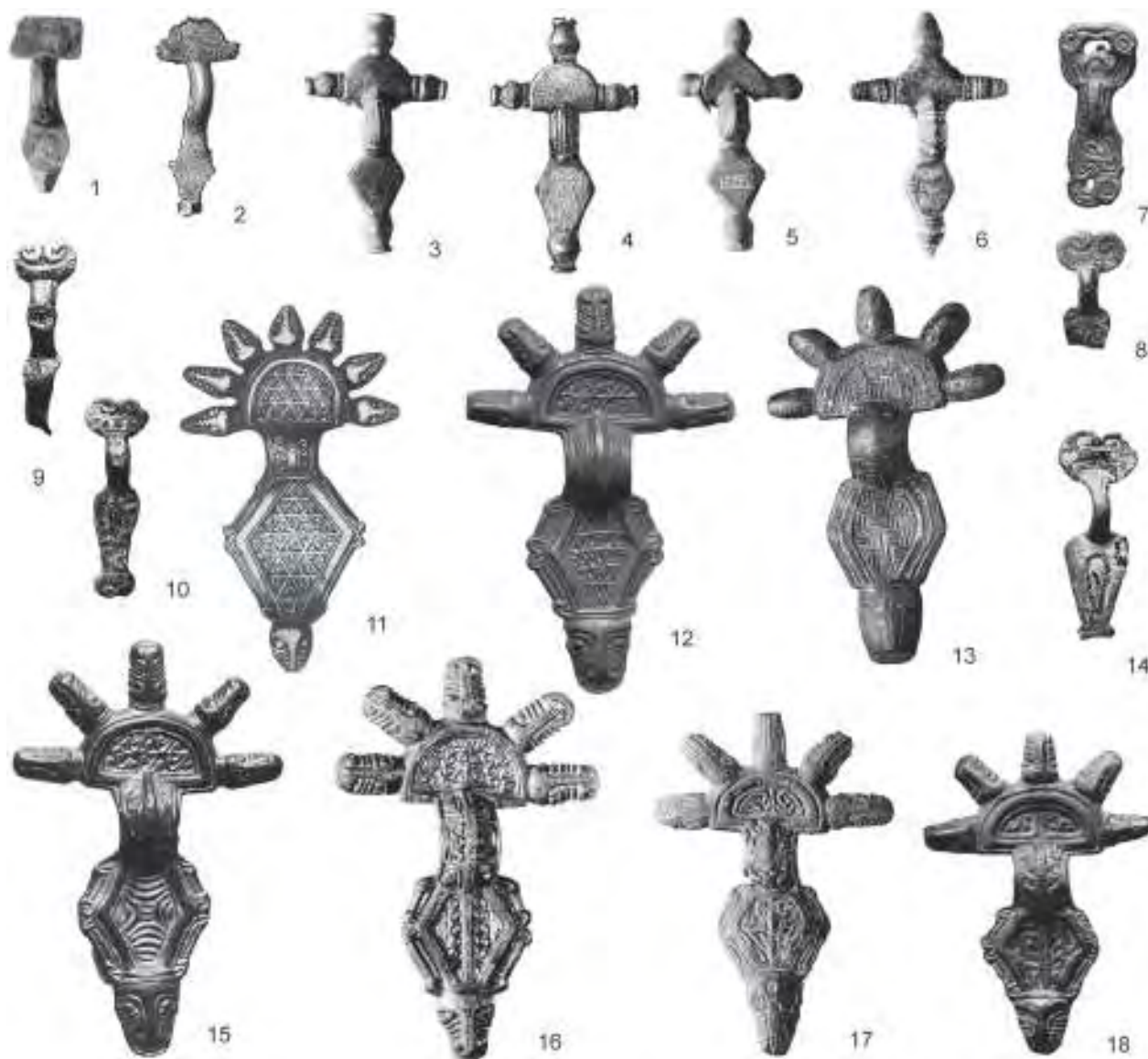

Рис. 5. Некоторые фибулы из Юго-Восточной Прибалтики и их западные параллели: 1–5 – Доллькайм–Коврово (Hilberg, 2009. Taf. 13, 94, 95, 97, 99, 108a); 6 – Шлакалькен/Заостровье (Hilberg, 2009. Taf. 34, 300); 7 – Калару, погребение № 16 (Hilberg, 2009. Taf. 18, 139); 8–10, 14 – Домбург (Koch, 1998Б Taf. 57, 1–4); 11 – Дур (Koch, 1998. Taf. 38, 1); 12 – Тумяны, погребение № 34 (Hilberg, 2009. Taf. 6, 45); 13 – Тумяны (Hilberg, 2009. Taf. 10, 75); 15 – Фридрикенхайн/Ягельки (Hilberg, 2009. Taf. 15, 115); 16 – Косево, погребение № 366 (Hilberg, 2009. Taf. 1, 7); 17 – Восточная Пруссия (Hilberg, 2009. Taf. 28, 241); 18 – Шёварлинг (Hilberg, 2009. Taf. 34, 301)

Без масштаба

Fig. 5. Some brooches from South-Eastern Baltic region and their western parallels: 1–5 – Dollkeim–Kovrovo; 6 – Schlakalken/Zaostrovye; 7 – Kellaren/Kielary, burial 16; 8–10, 14 – Domburg; 11 – Dour; 12 – Daumen/Tumiany, burial no. 34; 13 – Daumen/Tumiany; 15 – Friedrikenhain/Jagielki; 16 – Kossewen/Kosewo, burial no. 366; 17 – Eastern Prussia; 18 – Schönwarling/Skwarzec
Without scale

6. Фибулы балтско-мазурского типа, соответствующие типу Koch III.5.5 (рис. 5, 11). Эти пальчатые фибулы с ромбической ножкой признаны А. Кохом, вслед за И. Вернером, балтскими, происходящими из Мазурии (Werner, 1951. S. 58; Koch, 1998. S. 253–254). На Западе имеется лишь одна

случайная находка на территории Бельгии – это серебряная позолоченная фибула длиной 13,1 см из Дур (Dour) в Бельгии (Koch, 1998. Taf. 38, 1). Зато подобные фибулы хорошо известны в Южной Прибалтике, в памятниках ольштынской группы в Мазурии и в Восточной Померании (Mączyńska, 2007.

S. 155, 156, Abb. 2, 7–9). Наиболее точной параллелью является фибула из белого металла длиной 10,2 см из ольштынского могильника Тумяны (Daumen–Tumiany), погребение 34 (*Jakobson*, 2009. 42, Taf. 21, a; *Hilberg*, 2009. S. 374, Taf. 6, 45) (рис. 5, 12). Погребение отнесено к периоду E2 балтской хронологии, то есть к 520–610/625 гг. Видимо, дериватом этого типа является другая фибула из Тумян (Там же. Taf. 10, 75) (рис. 5, 13). Также близкими по общей морфологии, форме ножки, головки и наличию зооморфных выступов, но с иным декором являются застёжки, происходящие с таких памятников ольштынской группы, как Фридрикенхайн–Ягельки (Friedrikenhain–Jagielki) (Там же. Taf. 15, 115), Косево (Kossewen/Kosewo), погребение 366 (Там же. S. 352, Taf. 1, 7). Упомянем и такие находки из «Восточной Пруссии» (Там же. Taf. 28, 241, 30, 261) и Шёварлинг (Schönwarling/Skwarcz) (Там же. Taf. 34, 301) (рис. 5, 15–18). Ареал данных фибул однозначно свидетельствует о балтийском происхождении фибулы из Бельгии.

7. Фибулы типа Domburg–Koch IX (*Koch*, 1998. S. 450–454) (рис. 5, 3). Эти фибулы распространены в бассейне Северного моря, в основном на территории Нидерландов (Там же. Fundliste 29, Karte 29), поэтому данный тип признается типично нидерландско-фризонским. Общая предполагаемая дата фибул – от 520/530 по 610/630 гг. (Там же. S. 452, 453, Typentafel 4). Прототипы этих фибул надо искать в тюрингской среде средней Германии и Чехии (Там же. 1998. S. 453).

Особое внимание привлекают фибулы с двумя стилизованными птичьими головками, происходящие из случайных находок в Домбурге (Domburg) в Зеландии (Там же. № 650–653, Taf. 57, 1–4) (рис. 3, B; 5, 8–10, 14). Имеются и деградированные, вероятно более поздние формы (Там же. Taf. 57, 5–8). Представляется, что бронзовая фибула длиной 4,1 см (рис. 5, 7) из ольштынского могильника Келлары (Kielary/ Kellaren), погребение 16 (*Jakobson*, 2009. S. 72, Taf. 122, a; *Hilberg*, 2009. Taf. 18, 139), очень близка фибулам из Домбурга. Данное погребение отнесено к стадии E3 западнобалтской хронологии, то есть приблизительно к 610/625–650/675 гг. Если принять нидерландские параллели, то к балтам в Пруссию упомянутая фибула могла попасть только по морю.

* * *

Распространение этих фибул следует рассматривать в контексте морских контактов древних эстиев. По мнению И. Вернера, эти морские связи с Западом осуществлялись через территорию современной Дании и острова Балтийского моря (*Werner*, 1951. S. 61). Действительно, в V–VI вв. балтийский регион связан с общеевропейской сетью коммуникаций и составляет часть северо-европейского морского пути (*Vierck*, 1967. S. 59–63; 1981 S. 65, Abb. 1). Этот путь проходил по Балтийскому и Северному морям (*Vierck*, 1967. Fig. 52) либо через датские проливы, либо через Ютландию, либо, наконец, с перевалочным пунктом у основания Ютландского перешейка (*Kazanski, Mastykova*, 2005; *Казанский, Мастыкова*, 2013. С. 108, 109). Роль торговли в этих контактах очевидна, однако ее не стоит преувеличивать, поскольку политические альянсы между разными племенами, а также чисто военные события – набеги с целью грабежа – играли не меньшую роль (*Несман*, 1989. С. 21).

В традиционных обществах женский костюм имел особый сакральный статус и его элементы перемещались обычно вместе с их носительницами, либо в результате экзогамных браков, либо вследствие каких-то экстраординарных событий (*Мастыкова*, 2009. С. 7, там же библиография). Поэтому исследователи балтских древностей предполагают, что распространение предметов женского убора самбийско-натангйской культуры за пределами их основного ареала отражает прежде всего брачные связи (*Bitner-Wróblewska*, 2001. P. 124, 125). Брачные союзы, как правило, закрепляли военно-политические связи между различными варварскими народами. Важно отметить, что представленные здесь материалы ни в коей мере не связаны с престижной «княжеской» цивилизацией, но отражают материальную культуру «среднего класса» (Там же. P. 121–126), видимо также участвовавшего в осуществлении межрегиональных и межкультурных контактов путем «смешанных» браков.

Иордан, Getica – Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Текст, перевод и комментарии Е. Ч. Скржинской. СПб., 2001.

Казанский, 2010 – *Казанский М. М.* Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения на-

- родов // *Stratum plus*. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2010. № 4: Рим и варвары: от Августа до Августула.
- Казанский, 2013 – Казанский М. М. Арбалетные фибулы эпохи переселения народов в Южной Галлии и «северный след» // АСГЭ. СПб., 2014. Вып. 39: Материалы и исследования по археологии Евразии. Памяти М. Б. Щукина посвящается.
- Казанский, Мастыкова, 2013 – Казанский М. М., Мастыкова А. В. О морских контактах эстиев в эпоху Великого переселения народов // Археология Балтийского региона / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Мастыкова, А. Н. Хохлов. М.; СПб., 2013.
- Кулаков, 1997 – Кулаков В. И. Варникам. Древности прусских вождей // Гістарычна-Археалагічны Зборник. Минск, 1997. № 12.
- Кулаков, 2004 – Кулаков В. И. Доллькайм–Коврово. Исследования 1879 г. Минск, 2004.
- Мастыкова, 2009 – Мастыкова А. В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. М., 2009.
- Матузова, 1979 – Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. М., 1979.
- Несман, 1989 – Несман У. Этнос и связи на Балтике в V–X веках нашей эры // Взаимодействие древних культур в бассейне Балтийского моря / Отв. ред. В. М. Масон. Л., 1989.
- Скворцов, 2010 – Скворцов К. Н. Могильник Митино V–XIX вв. (Калининградская область). М., 2010. (Материалы охранных археологических исследований; Т. 15).
- Хенниг, 1961 – Хенниг Р. Посольство эстов в Италии у Теодориха // Хенниг Р. Неведомые земли. Т. II. М., 1961.
- Bitner-Wróblewska, 2001 – Bitner-Wróblewska A. From Samland to Rogaland. East-West connections in the Baltic basin during the Early Migration Period. Warszawa, 2001.
- Böhme, 1986 – Böhme H.-W. Das Ende der Römerherrschaft in Britannien und die angelsächsische Besiedlung Englands im 5. Jahrhundert // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Mainz, 1986. Vol. 33.
- Hilberg, 2009 – Hilberg V. Masurische Fibeln. Studien zu den Fernbeziehungen der völkerwanderungszeitlichen Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren. Daumen und Kellaren – Tumiany i Kielary. Bd. II. Neumünster, 2009.
- Jakobson, 2009 – Jakobson F. Die Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren im Kreise Allenstein, Ostpr. Daumen und Kellaren – Tumiany i Kielary. Bd. I. Neumünster, 2009.
- Kazanski, Mastykova, 2005 – Kazanski M., Mastykova A. Les contacts entre la Gaule du Nord et la côte sud-est de la mer Baltique durant l'époque des Grandes Migrations et au début de l'époque mérovingienne // Voies d'eau, commerce et artisanat en Gaule mérovingienne / Plumier J., Regnard M. (dir.). Namur, 2005.
- Koch, 1998 – Koch A. Bügelfibeln der Merowingerzeit im Westlichen Frankreich. Mainz; Bonn, 1998.
- Kowalski, 1991 – Kowalski J. Z badań nad chronologią okresu węderówek ludów na ziemiach zachodniobałtyjskich (faza E) // Archeologia bałtyjska / Judzińska H. (red.). Olsztyn, 1991.
- Kühn, 1974 – Kühn H. Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Süddeutschland. Graz, 1974.
- Mączyńska, 2007 – Mączyńska M. Pommern in der Völkerwanderungszeit – 20 Jahre nach dem Aufsatz von Kazimierz Godłowski // Barbaren im Wandel / Tejral J. (Hrsg.). Brno, 2007.
- Nowakowski, 1996 – Nowakowski W. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. Marburg; Warszawa, 1996.
- Schultze, 1977 – Schultze M. Die spätkaiserzeitlichen Armbrustfibeln mit festem Nadelhalter. Bonn, 1977.
- Schulze-Dörrlamm, 1986 – Schulze-Dörrlamm M. Romanisch oder Germanisch? Untersuchungen zu den Armbrust- und Bügelknopffibeln des 5. und 6. Jahrhunderts n. Chr. Aus den Gebieten westlich des Reins und südlich der Donau // Jahrbuch der Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Mainz, 1986. Vol. 33.
- Vierck, 1967 – Vierck H. Bemerkungen zum Verlaufsweg finnisch-angelsächsischer Beziehungen im sechsten Jahrhundert // Suomen Museo. 1967. Vol. 74.
- Vierck, 1981 – Vierck H. Imitatio imperii und interpretatio Germanica vor der Wikingerzeit // Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance) / Zeitler R. (dir.), Uppsala. 1981.
- Werner, 1951 – Werner J. Eine ostpreussische Bügelfibel aus dem Hennegau // Germania. 1951. Vol. 29.

Aestii and the Ocean (distribution of some types of brooches of the Migration Period and Merovingian Age)

M. M. Kazanskiy

This paper considers brooches of the 5th–6th century AD distributed throughout the basins of the North and

Baltic seas and found at sites of the Sambian–Natangian (Dollkeim–Kovrovo) culture believed to have been

connected with the maritime Aestii in the territory of what is now Kaliningrad Oblast in Russia. These artefacts are important for studies of ancient interregional and intercultural contacts since, in the traditional communities, elements of women's attire, including fibulae, are among the most conservative features of material culture. Here some arbalest-shaped brooches (types of Schönwarling, Duráton, Estagel, Rouillé), as well as fibulae with a rhomboid foot-plate and rectangular or semispheric head (types of Monsheim-Liebenau-West Stow and Breitenfurt), fingered brooches (types of Koch III.5.5 and Domburg – Koch IX) are considered. The spread of these fibulae was taking place in connection with establishing the trans-European oceanic route along the southern coast of the North Sea and Baltic Sea region. This route passed through Danish straits and via Jutland with the final transshipping point at the base of the Jutland

isthmus. The role of trade in these contacts is undoubted, however political alliances between different tribes, as well as merely war events (plundering raids) were of no less importance. The spread of elements of women's attire in traditional societies, except for certain articles (e.g. beads) cannot indicate the existence of trade connections since the female costume had a special sacral status and was transferred only with its bearers. Therefore the appearance of 'female' articles of the Sambian-Natangian culture outside the limits of their main area reflects primarily marriage links. These, as a rule, fixed the military and political ties between different barbarian peoples. The materials here published pertain to no prestigious 'princely' civilisation but reflect the material culture of the 'middle class' which, as it seems, also participated in the fixation of the interregional and intercultural contacts through 'mixed marriages'.